

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Typology of verbal categories: Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday / Ed. by L. Kulikov and H. Vater. Tübingen: Niemeyer, 1998. – VII + 310 p.

Рецензируемая книга является тематическим сборником по типологии глагольных категорий, включающим 22 статьи на английском, немецком и французском языках. Статьи написаны авторами из разных стран (особенно много участников из России, Германии и Франции), и “внешним” поводом для того, чтобы собрать их под одной обложкой, является дань признательности Владимиру Петровичу Недеялкову, одному из ведущих отечественных типологов и одному из наиболее ярких представителей так называемой “Петербургской типологической школы”. Помимо этого чисто внешнего фактора, статьи объединены тематически: большинство из них действительно посвящены проблемам грамматической семантики глагола, хотя, как это почти всегда бывает в сборниках такого рода, не все статьи абсолютно строго вписываются в эту тематику.

Следует сказать, что слова “типология глагольных категорий”, стоящие на обложке книги, звучат – особенно в англоязычном контексте – не так уж тривиально. В современной типологии сравнительно мало работ, в которых бы затрагивалась несинтаксическая проблематика, а работ, посвященных типологии значений (пусть даже и грамматических) – еще меньше. В первую очередь это связано, конечно, с тем, что для обсуждения значений в типологическом плане нужно располагать хотя бы предварительным метаязыком для их описания (можно даже сказать слабее: располагать удобным способом говорить о значениях грамматических элементов в разных языках), но для решения этой задачи типологи пока очень робко используют то, что может предложить современная семантическая теория. Практически единственным исключением является, конечно, Анна Вежбицкая, но она применяет в типологических исследова-

ниях тот метаязык, который сама же много лет и разрабатывает, а это ситуация несколько иного рода – когда теоретик и типолог, так сказать, пытаются соединиться в одном лице; ситуация, имеющая как свои преимущества, так и свои недостатки. Если говорить не о теоретиках, просто использующих типологию как полигон для проверки своих концепций, а о лингвистах, ориентирующихся в первую очередь на задачу описания материала разных языков с целью индуктивного поиска теоретических обобщений, то грамматическая семантика остается практически невостребованной областью, хотя в последние годы положение и начинает медленно меняться.

Примечательно, что на этом фоне “российская нота” в сборнике звучит особенно отчетливо, и это означает, что тема сборника выбрана его составителями удачно. С одной стороны, для российской типологии интерес к грамматическим проблемам традиционен. С другой стороны, эта тема отражает научные приоритеты и достижения самого В.П. Недеялкова, основные труды которого посвящены именно типологии глагольных категорий. Конечно – и это вполне естественно – не все глагольные категории интересовали В.П. Недеялкова в одинаковой степени, и на первом месте в ряду его интересов стоят синтаксические глагольные категории, в особенности те, которые связаны с преобразованием актантной структуры глагола, т.е. каузатив, рефлексив, пассив, антипассив и результатив. (Это направление, заданное в свое время А.А. Холодовичем, характерно и для Петербургской школы в целом.) Но именно этим категориям посвящено, пожалуй, наибольшее количество статей в сборнике.

Сборник открывается кратким предисловием редакторов – московского лингвиста

Л.И. Куликова, в настоящее время работающего в Лейдене (Нидерланды), и немецкого лингвиста Х. Фатера (Кёльн); в предисловии, в частности, охарактеризованы основные научные интересы В.П. Недялкова (с представительной библиографией работ последнего). Статьи сборника распределены (достаточно условно) по четырем разделам: I. Эргативность и переходность; II. Залог, каузатив и валентная структура; III. Время и наклонение; IV. Глагольные категории и языковые универсалии.

Не ставя задачу детально передать содержание всех статей сборника, остановимся прежде всего на тех работах, которые, с нашей точки зрения, могут быть наиболее интересны для типолога.

Статьи первого раздела отчетливо делятся на очень общие теоретические работы и "локальные" исследования конкретно-языковых явлений. К числу теоретических, безусловно, относится открывающая сборник статья Ж.-П. Декле и З. Генчевой (Париж) "Каузальность, каузативность, переходность". Как явствует из заглавия, авторы – с характерными для французской традиции вниманием к форме терминов – предлагают строго различать все три понятия, особенно настаивая на том, что каузативность не обязательно связана с каузальностью (т.е. существованием причинно-следственной связи между двумя ситуациями); в связи с этим, подчеркивается важность известного противопоставления между факитивной и пермиссивной каузацией, с одной стороны, и транзитивацией, с другой. Для их различения особую роль играют семантические признаки 'контроль' и 'воздействие'. Особенно существенны данные тех языков, которые обладают "некаузальными каузативами" (т.е., в терминологии авторов, транзитиваторами); таковыми, по мнению авторов (которые ссылаются на недавние исследования А.А. Кибрика), могут являться, в частности, атапаскские языки.

Проблема переходности, далее, обсуждается в статье Я.Г. Тестельца (Москва) "О двух параметрах переходности". Центральной идеей этой работы является замена бинарного противопоставления переходных/непереходных глаголов на шкалу свойств переходности (содержащую восемь семантико-синтаксических классов глаголов); в отличие от идеологически во многом близкого подхода Хопнера-Томпсон, классификация, предложенная в данной работе, претендует на полноту, так как основана лишь на двух "параметрах" ('контроль' и 'affectedness', т.е. 'затронутость ситуаций')

и содержит все их возможные комбинации. Соответственно, из числа двухвалентных глаголов наиболее переходными оказываются те, у которых ситуацию контролирует только первый актант, а затронут ситуацией – только второй (*писать*); наименее переходными глаголами являются те, у которых либо оба актанта контролируют ситуацию (*беседовать с*), либо оба актанта ею затронуты (*прилипать к*). Как всякая попытка "окончательного решения", статья вызывает множество вопросов, на которые, в силу ее краткости, не всегда удастся найти ответ в тексте. Основным вопросом, по-видимому, все же должен быть вопрос о лингвистической содержательности выделенных классов, но он может быть удовлетворительно решен только в результате исчерпывающего анализа очень большого лексического материала разных языков; то, что в результате такого анализа выводы автора подтвердятся, по меньшей мере неочевидно. Другое возражение может быть связано с крайней расплывчатостью самих исходных "параметров": если уж отвергать традиционную дихотомию, то имеет смысл делать это ради чего-то гораздо более осязаемого. С нашей точки зрения, бесхитростный индуктивный анализ, выделяющий "прототипические транзитивы" и далее сопоставляющий с ними в отношении формального маркирования все остальные глаголы данного языка, гораздо жизнеспособней по крайней мере по отношению к дескриптивным задачам (как хорошо показано у Ж. Лазара [Lazard 1998a; 1998b]); но не случайно и такие теоретики, как А. Вежицкая, в последнее время оказывают этому подходу явное предпочтение.

Глаголы, способные в одной и той же форме выступать одновременно в переходной и непереходной конструкциях (так называемые "лабильные"), являются предметом анализа в статье В. Дроссарда (Кёльн). Автор предлагает различать два типа "ориентации" в лабильных конструкциях: со сменой семантической роли актанта (ср. англ. *break* 'ломать' и 'ломаться') и с ее сохранением (ср. русск. *он пьет*). Его основной тезис сводится к тому, что в эргативных языках лабильные конструкции не предполагают смены ориентации; этот вывод сразу помещает нас в центр не смолкающих много лет дискуссий о соотношении семантических и синтаксических ролей аргументов в эргативных языках.

К более узким и конкретным по тематике в данном разделе относятся статьи А.Ю. Айхенвальд (Канберра) о показателях

увеличения числа глагольных валентностей в языке тариана (практически исчезнувший аравакский язык Бразилии, находящийся под сильным ареальным влиянием языков тукано), К. де Гроота (Амстердам) о конструкциях типа *намазать хлеб маслом / масло на хлеб* в нидерландском и венгерском (автор уже посвятил этому предмету несколько публикаций), Т. Байнон (Лондон) о выражении эргативности и инверсивности в системе субъектно-объектных показателей глагола тибето-бирманского языка думи и К.И. Казенина (Москва) о коммуникативной функции антипассива в лакском языке (сводящейся, как это и принято считать, к понижению статуса пациенса). Из названных работ исследование Т. Байнон привлекает сложностью анализируемого материала; впрочем, специфика этой работы состоит в том, что автор лишь предлагает новую интерпретацию данных, содержащихся в недавно опубликованной грамматике думи Ж. ван Дрима [van Driem 1993].

Из статей второго раздела выделяется широтой проблематики работа М. Сибатани (Кобэ) "Параметры залога", которая – в духе идей, высказывавшихся японским лингвистом и раньше – опирается на "функциональное" понимание пассива, ориентированное не столько на синтаксический (как известные определения Мельчука–Холодовича или Перлмуттера), сколько на прагматический компонент высказывания; тем самым, залог оказывается полноправной семантической грамматической категорией, наиболее близкой к глагольным категориям фокуса и контрастивности. Особенностью данной статьи является то, что в ней предметом исследования является так называемый имперсональный пассив (этот несколько тяжеловесный и не слишком "прозрачный" термин здесь обозначает пассив от одноместных и/или непереходных глаголов, т.е. формы типа лат. *cirritur* 'кто-то бежит', 'люди бегут'). Автор отмечает, что не все типы подлежащих способны участвовать в таких конструкциях, и предлагает имплицативную иерархию свойств, которые в разных языках определяют эту способность ('1 лицо' > 'личность' > 'агентивность' > 'одушевленность', и т.п.). Так, материал языка непали обнаруживает наиболее строгие ограничения (только 1 лицо), а материал литовского языка – как будто бы наиболее слабые ограничения на эту конструкцию.

На широком типологическом материале написана и очень интересная, но, к сожалению, не слишком пространная заметка

Ю.П. Князева (Новгород) "К типологии грамматической полисемии: рефлексив как показатель реципрока". В этой работе представлен, как кажется, исчерпывающий перечень различных случаев выражения с помощью рефлексивных показателей взаимного значения: от полного совпадения до "включения" рефлексива в состав взаимного показателя; любопытно, что реципрок во всех случаях оказывается морфологически сложнее рефлексива. По постановке задачи (особый интерес к феномену "совмещенных значений"), способу исполнения (индуктивная таксономическая классификация обширного и тщательно подобранного материала) и даже по стилю изложения (своего рода "застенчивый лаконизм", не лишенный своеобразного обаяния и скрытого чувства собственного достоинства) эта статья является превосходной иллюстрацией того, что может быть названо "школой Недялкова" в современной типологии, однако в целом она воспринимается скорее как концепт будущего исследования. С нашей точки зрения, работа бы значительно выиграла, если бы автор включил в рассмотрение – хотя бы в качестве фона – и другие случаи полисемии показателей реципрока (ср. одну из ранних интересных попыток в [Lichtenberk 1985]), т.к. всякое ограничение материала при такого рода анализе создает ощущение искусственности (если не произвольности).

Кратко охарактеризуем более частные статьи данного раздела. Работа Л.И. Куликова (Лейден) о связи пассива и антикаузатива с классификацией глаголов (на ведийском материале) содержит попытку применить понятие энтропии для объяснения лексико-семантических ограничений на образование антикаузативов: антикаузативные (или, в другой терминологии, декаузативные) производные наиболее вероятны у глаголов, обозначающих "увеличение энтропии" (типа *разрушаться, теряться* и т.п.); это объяснение может быть релевантно не только для ведийского. Статья Х. Вернера (Бонн) "К типологии пассивных конструкций в енисейских языках" несколько уже своего названия: это типичная работа в рамках так называемой "частной лингвистической традиции" (в данном случае, сибирской школы кетологии), изобилующая сложным морфологическим материалом, понять который "с ходу" способны разве что еще два-три специалиста, принадлежащие к той же школе. В начале статьи как будто бы подвергается сомнению наличие собственно пассивного значения у енисейского традиционного "пассива", но и после прочтения статьи у автора этих строк

(безусловно, в силу его слабого знакомства с кетологией) так и не возникло ответа на вопрос, существует ли в кетском языке пассив, а если нет, то как назвать соответствующий класс форм (результатив? декаузатив? потенциальный пассив?). Отчасти сходное (хотя, может быть, и не столь драматическое) впечатление производит статья Х. Морено Кабреры (Мадрид) о связи аллокутивности ($\approx$ различение пола адресата речевого акта в сказуемом предложении) и залога в баскском языке; она написана более эксплицидно, но все же для проверки основного утверждения автора (о том, что аллокутивные формы выражают особую диатезу, не образующую залога) требуется отнюдь не рядовая эрудированность в проблематике баскского глагола, выходящая за рамки представленных в статье данных. Заметим, что традиционно аллокутивные формы сближают скорее с семантической зоной вежливости, чем с залогом, поскольку участники речевого акта обычно не рассматриваются в качестве участников описываемой ситуации; не вполне ясно, насколько баскские данные заставляют пересмотреть это положение. В краткой статье А.К. Оглоблина (Санкт-Петербург) рассматривается история каузативного показателя в малайском и мадурском языках, который восходит к показателю "инертива" (неконтролируемая причина состояния); этот материал оказывается своеобразной репликой к статье Декле и Генчевой в первом разделе. Наконец, заметка С. ван де Керке (Лейден) представляет собой материал полевых исследований показателей актантной деривации в исчезающем языке-изоляте леко (Боливия). Отмечается высокая степень влияния на леко глагольной системы кечуа – вплоть до появления аналогичного кечуа "смещенного" (в терминологии работы [Мельчук 1998]) суффикса реципрока, который может присоединяться как к модифицируемому глаголу, так и к его синтаксическому хозяину (как если бы по-русски можно было сказать не только *они хотят обнять-ся*, но и **они хотят-ся обнять*). Подобные явления свидетельствуют о том, что аффикс может сохранять остатки синтаксической самостоятельности, которые, по-видимому, были ему свойственны на том этапе, когда он был еще не аффиксом, а клиткой; нетипичная синтаксическая свобода аффиксов считается особенно характерной для агглютинативных языков. Данный пример, таким образом, несмотря на его парадоксальность, достаточно харак-

терен для языков определенного типа (с "недавней агглютинацией").

Третий раздел включает четыре небольших статьи. Две из них посвящены обсуждению формального аппарата для описания категорий времени: это статья Я. Паневовай и П. Сгалла (Прага), написанная на чешском материале, и статья В. Клейна (Неймеген) и Х. Фатера (Кёльн), написанная на материале английского и немецкого "перфекта" (мы используем кавычки, потому что общим у соответствующих глагольных форм в двух языках является – если не считать происхождения – разве только название). В очень краткой заметке Е.Е. Корди (Санкт-Петербург) обосновывается существование у французского глагола полной парадигмы императива (включающей и формы 1-го лица).

Типологически наиболее интересной в этом разделе является, с нашей точки зрения, статья Ж. Лазара (Париж) "Выражение ирреалиса: опыт типологии", продолжающая многолетний цикл исследований этого автора о грамматической семантике глагола (первоначально, в персидском языке). Под "ирреалисом" автор имеет в виду то, что чаще называется "контрфактическим значением" (а тому, что в типологических работах называется ирреалисом, в системе Лазара соответствует скорее термин *virtuel*). Иными словами, "ирреалис" Лазара – это особый подкласс ирреальных (= "виртуальных") ситуаций, относящихся к прошлому и выступающих в контексте аподосиса (главной части) условных предложений (ср., например, выделенную часть предложения *если бы машинист заснул, поезд сошел бы с рельсов*). Работа написана с отчетливых позиций типологического "здорового смысла" и направлена, в частности, против попыток выделять абстрактные "общие значения" грамматических категорий: для типолога всякая граммема конкретного языка является кластером универсально-типологических значений, независимо от возможности увидеть в элементе этого кластера общую часть (ср. во многом противоположный подход у Клейна и Фатера, которые при описании перфекта, по-видимому, следуют идеологии влиятельной работы [McCoard 1978]). Как показано у Лазара, чаще всего контрфактическое значение выражается сочетанием показателя прошедшего времени с каким-либо из показателей "виртуальности", т.е. в широком смысле нереальной ситуации (будущей, желаемой, возможной, узуальной и т.п.); тем самым, показатель прошедшего времени может присоединяться

к показателю будущего, дезидератива, потенциалиса, конъюнктива и т.п., а также к показателю хабиуталиса (как в турецком или классическом персидском). Можно задать вопрос, в какой степени правомерно отнесение хабиуталиса к ирреальным (=“виртуальным”) формам. В доказательство ирреальной природы хабиуталиса Лазар ссылается на тот факт, что хабиутальные формы во многих языках имеют также значение будущего времени, и даже предлагает говорить в этом случае об особой категории “эвентуальности” (т.е., так сказать, “неактуальности”). Однако нельзя не отметить в этом анализе известного методологического противоречия: если Лазар выступает против попыток выделять “общее значение” у таких граммем, как, например, прошедшее время, то почему же он считает это допустимым по отношению к граммеме хабиуталиса? Действительно, совмещение показателей хабиутальности и будущего времени очень распространено, но семантическая близость этих показателей далеко не столь очевидна, как это пытается представить Лазар (и многие другие авторы, писавшие об “ирреальном” характере хабиутальных ситуаций, как, например, М. Митун). Более многообещающим представляется здесь подход М. Хаспельмата, который в недавней работе [Haspelmath 1998] показал, что подобная полисемия обычно восходит к старым формам презенса, утратившим исходное презентное значение, но сохранившим производные значения хабиуталиса, будущего, а часто также конъюнктива. Таким образом, “эвентуальность” Лазара – типичный конкретно-языковой кластер с утерянным исходным звеном, и между его оставшимися элементами совершенно не обязательно искать общую часть (скорее всего, ее и не существует). С учетом этой поправки, типологические наблюдения Лазара важны и значимы, и затрагивают почти не исследованную область.

Последний раздел сборника самый разнородный и явным образом сформирован по “остаточному принципу”, но это, впрочем, не означает, что четыре статьи, в него входящие, не интересны. Статья В. Бизанга (Майни) посвящена сериальным глагольным конструкциям в языках йоруба, йабем (австронезийский язык Новой Гвинеи), китайском и кхмерском, причем основное внимание автор уделяет такому практически не исследованному вопросу, как взаимное расположение сериальных глаголов разных семантических классов относительно друг друга и относительно основного глагола. Разобранный материал как будто

бы свидетельствует, что наиболее периферийную позицию занимают аспектуально-модальные показатели, тогда как показатели других семантических классов (выражающие директивные и “падежные” функции) располагаются ближе к глаголу (но в разных языках в разном порядке). Интересным (хотя и не вполне неожиданным) образом, это напоминает принцип линейного расположения грамматических морфем в глагольной словоформе, в свое время ставший объектом детального исследования Дж. Байби (ср. известную работу [Bybee 1985] и др.). Как всегда в отношении работ такого рода, основное возражение может быть связано с принципами семантической классификации показателей (которые не обсуждаются в статье эксплицитно): не для всякого показателя его принадлежность к одному из трех указанных классов самоочевидна; более того, значительное число показателей совмещают несколько указанных функций (например, директивные показатели часто выражают аспектуальные и/или падежные значения, как это отмечает и сам автор для языка йабем). Статья И. ван дер Ауверы (Антверпен) посвящена определению английского термина *converb*, который в последнее время – не без влияния работ В.П. Недялкова – стал употребляться как эквивалент русского термина “деепричастие”. Однако, как показано в статье со свойственным ван дер Аувере вкусом к поискам исторических прецедентов и аналогий, это далеко не единственный (и, может быть, даже не самый распространенный) смысл этого термина – ситуация в лингвистике, как известно, не единичная. Маленькая статья Б. Комри (Лейпциг) представляет собой изыскную заметку о проблеме перевода того места из Гомеровской “Одиссеи”, где Полифем, в ответ на просьбу сообщить, кто причина его несчастья, отвечает, попадая в лингвистическую ловушку Одиссея, “Никто”. Возможность более или менее буквально передать эту греческую игру слов прежде всего зависит, конечно, от синтаксиса частного отрицания в конкретном языке: так, она невелика в русском с его “двойным отрицанием”, и поэтому заставляет русского переводчика “Одиссеи” прибегать к дополнительным трансформациям оригинала; еще меньшей она оказывается в некоторых языках Новой Гвинеи, не имеющих специальных отрицательных местоимений. В качестве вывода Комри отвергает переводимость как критерий поиска лингвистических универсалий (не все можно перевести, поскольку необходимость перевести семантический элемент ‘X’ может

сделать невозможным перевод семантического элемента 'Y'), но, не желая крайностей, оставляет за переводом безусловную эвристическую полезность. Наконец, статья Р. Лёцша (Берлин) посвящена классификации различных способов выражения фразового отрицания в немецком и русском, в том числе и таких, которые редко (и, возможно, справедливо) оказываются объектом изучения грамматики – например, конструкции типа "выйти из-под контроля"; данная статья попадает скорее по ведомству контрастивной лексикологии, но, впрочем, стремление автора к расширению границ грамматики сегодня может найти много сторонников. Странно, однако, что при этом вне поля зрения автора оказываются работы таких исследователей, как Л. Карттунен, Е.В. Падучева и мн. др., достаточно давно обративших внимание на "встроенность" отрицательного компонента в значение многих лексем и связанные с этим семантические эффекты.

Оценивая сборник в целом, следует сказать, что перед нами не просто удачное в целом собрание типологических статей, посвященных далеко не достаточно исследованной области¹. Данный сборник представляет собой один из очень немногих успешных примеров интеграции российской и западноевропейской типологических традиций (к чему, кстати, всегда стремится и В.П. Недялков); следует отметить массовое участие в сборнике российских типологов и высокий уровень их работ. Все это, безу-

словно, заслуга редакторов сборника, и прежде всего Л.И. Куликова, который, хотя и является с начала 90-х гг. сотрудником Лейденского университета, как можно видеть, принимает в отечественной лингвистической жизни самое активное участие

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Мельчук И.А. 1998 – Курс общей морфологии. Том II. М.; Вена, 1998.
 Bybee J. 1985 – Morphology. Amsterdam, 1985.
 Driem G. van 1993 – A grammar of Dumi. Berlin, 1993.
 Haspelmath M. 1998 – The semantic development of old present: new futures and subjunctives without grammaticalization // *Diachronica* 15. № 1. 1998.
 Lazard G. 1998a – Actancy. Berlin, 1998.
 Lazard G. 1998b – Définition des actants dans les langues européennes // J. Feuillet (Éd.), *Actance et valence dans les langues de l'Europe*. Berlin, 1998.
 Lichtenberk F. 1985 – Multiple uses of reciprocal constructions // *Australian journal of linguistics* 5, № 1. 1985.
 McCoard R.W. 1978 – The English perfect: tense-choice and pragmatic inferences. Amsterdam, 1978.
 TSEL 1994–1995 – Tense systems in European languages / Ed. by R. Thieroff, J. Ballweg. Tübingen, 1994–1995.

В.А. Плунгян

G. Isaac. *The verb in the Book of Aneirin. Studies in syntax, morphology and etymology*. Tübingen. Max Niemeyer Verlag. 1996. 483 S.

Книга Г. Айзака посвящена анализу глагола в одном из наисложнейших произведений раннего валлийского поэтического творчества – так называемом "Гододине". Известный прежде всего по рукописи, датированной на основании палеографических критериев серединой XIII века, этот текст находится в центре внимания лингвистов, литературоведов и историков. Причина кро-

ется, в первую очередь, в идее о древности этого произведения, предтекст которого, согласно очень распространенной гипотезе, мог быть создан около 600 г. Уходящее корнями к началу XIX века, представление о "Гододине" как реальном произведении (А)нейрина, (упомянутого в "Истории Бриттов" так называемого Ненния среди других бриттских бардов VI века), в котором рассказывается о битве при Катрасте, в значительной мере отражено в классическом издании этого текста "Canu Aneirin" И. Уильямса [Williams I. 1938] (ниже ссылки на текст "Гододина" даются по этому изданию, сокращенно СА).

В рукописи, известной также под названием "Книга Анейрина", текст представлен в

¹ Отметим, кстати, что это уже по крайней мере вторая удачная попытка такого рода издательства «Niemeyer» (публикующего в основном работы по германистике). Предыдущей значительной типологической публикацией этого издательства был двухтомник [TSEL 1994–1995].